

Паразитирующий джедай

НИКИТА САЗОНОВ

Куратор, Posthuman Studies Lab. Адрес: 129223, Москва,
пр-т Мира, 119, стр. 246. E-mail: darkcryptasite@gmail.com.

Ключевые слова: гиперверие; концепт; мем;
экономика силы; баланс; паразит; философская политика.

Статья посвящена прояснению статуса поворота к «темному» в философии. Темное, которое позиционирует себя как некоторое принципиальное «не-» — не-инвайроменталистское (Тимоти Мортон), не-радостное (Эндрю Кальп), не-аффирмативное (Бенджамин Нойс) и т. д., — остается лишено собственной «темной» модели производства, представляя лишь «искажением» существующих типов философской работы, таких как «производство концептов» (Жиль Делёз). Автор статьи осуществляет разработку темного способа производства философии посредством обращения не к самому конфликту между темными и светлыми, а, скорее, к механике, позволяющей данное переключение. Переход философии «на темную сторону» — это указание на инкорпорированную в философию экономику мема, результатом которой является повторение в философии сюжета о противостоянии светлой и темной сторон. В таком случае философии необхо-

димо обратить внимание на сам мем и осуществить выбор не между светлой и темной сторонами, но между различными мемами о темном и светлом.

Разные мемы о противостоянии темного и светлого отсылают к разному способу выстраивания двух сторон. Демаркация базируется на разных отношениях между мыслью и внешним. По мнению автора, основное мемологическое напряжение философии сосредоточено в «джедайской» версии противостояния и вытекающей из нее рефлексивной модели мысли. Модель рефлексии укоренена в гармоническом (трансцендентальном) отношении между джедаем и силой, которое существует во вселенной «Звездных войн». Автор обнаруживает возможность смещения светлой джедайской версии «темной» моделью мема о двух сторонах, отсылающей к серии «Дозоров» и паразитическим, нереклексивным, но, скорее, субрефлексивным отношениям с Сумраком.

В СВОЕМ интервью с Ником Ландом о гиперверии Дельфи Карстенс отмечает любопытную связь между данным концептом и мемами Ричарда Докинза¹. И то и другое отсылает к механизмам смешения различия между вымыслом и реальностью через указание на те «зоны», где реализация вымысла становится крайне эффективной, например в популярной культуре. Однако, в отличие от гиперверия, разработанного для описания специфического типа «постмодернистской апокалиптической» культуры, мем, работающий на «глубоком эволюционном уровне социальной организации», претендует на большую универсальность. Если развивать эту мысль, то само гиперверие можно трактовать в качестве определенного «мема». Я хотел бы обратиться к этой «развязке» между мемом и гиперверием, ненароком введенной Карстенсом, как к «ключу» к сегодняшним разговорам о «темном» в философии. Связка мем/гиперверие прорабатывает весьма важный узел, позволяющий трактовать современные попытки поворота к «темному» не только в качестве «всего лишь» текущего тренда интеллектуальной ситуации, но и как более значимое явление.

Манифест философии

Для начала я хотел бы, чтобы вы прочли следующую цитату:

Кто лучший последователь великих философов² — тот, кто *повторяет* то, что они говорили, или же тот, кто *делает то, что они делали*, то есть создает концепты для необходимо меняю-

1. Здесь и далее см. интервью Дельфи Карстенса с Ником Ландом в настоящем номере «Логоса».
2. Забавно, что модель чтения Делёза в логике «великого философа» вступает в резонанс с «победным чтением» Ницше, которое подмечает в своем «Анти-Ницше» Малкольм Булл. Это заставляет думать в целом о более далекоидущих последствиях ницшеанства Делёза, а также о ницшеанских корнях аффирмативизма и распространенности критики Булла не только на культуру чтения, но и на этос философской работы. Однако мы не имеем возможности обсудить данное наблюдение в этом тексте. См.: Булл М. Анти-Ницше. М.: Дело, 2016; а также соответствующий блок

щихся проблем?.. Критиковать — значит просто констатировать, что старый концепт, погруженный в новую среду, исчезает, теряет свои составляющие или же приобретает другие, которые его преобразуют. А те, кто занимается нетворческой критикой, кто ограничивается защитой исчезающего концепта, не умея придать ему сил к возрождению, — для философии такие суть истинное бедствие³.

Если давать какую-то базовую характеристику тренда «темного», то он связан с противостоянием философской политике, изложенной в вышеприведенной цитате. И Эндрю Кальп, отмечающий необходимость борьбы с «удовольствием от создания концептов»⁴, и Бенджамин Нойс, описывающий креативную «конъюнктуру» в континентальной теории⁵, объединены общим недовольством политикой концепта, которое, на мой взгляд, и составляет в первом приближении «темноту» темного. Нерв этой политики состоит в противопоставлении «объяснения» и «изменения», чреватом обращением на философию 11-го тезиса Маркса о Фейербахе: *до сих пор философы лишь по-разному объясняли философию, тогда как задача состоит в том, чтобы ее изменить*. Собственно, концепт и есть тот продукт (и одновременно орудие) изменения. Каждый концепт заточен на решение какой-то задачи и отсылает к какой-то ситуации. Объясняющие же философию — вульгарно понятые историки философии, назойливые критики, болтающие софисты, диспутанты и т. д. — это те, кого нужно выдворить за пределы философского цеха, поскольку они не производят никакого продукта для философского «товарищества»⁶. Они не хотят даже попытаться изменить с помощью объяснения («подойти к философу сзади»⁷) — наиболее ультимативная рекомендация для того, чтобы стать *хорошим* историком философии.

«Объясняющая» философия — или, если угодно, «философия концепции» — устанавливает такое отношение между нефилософ-

«Логоса» «Анти-Ницше», составленный Дмитрием Кралечкиным (Том 26 #2 2016).

3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. С. 35.
4. См.: *Culr A. Dark Deleuze*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016.
5. *Noys B. The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
6. Поэтому, надо полагать, это «полное» товарищество.
7. См.: Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. С. 5. Также это смыкается с максимой Мамардашвили, который мыслил не «о» Прусте, а *Прустом*.

ским (Внешним) и философским, что можно говорить лишь о некой *реновации* (а не новизне), причем преимущественно за счет не имеющего отношения к философии нефилософского — различных языков описания: компаративного, социологического, либидинального, исторического и т. д. Философия лицензирует эти языки, оказываясь, таким образом, полноценным хранителем суверенитета, философским государством, контролирующим нерушимость своих границ. Пропущенное и запротоколированное нефилософское допускается внутрь философии, подобно легализованным мигрантам, и производит там работу, занимая, таким образом, единственно сообразное для него место гастарбайтера. Запротоколированные нефилософские работы на философских территориях фактически полностью вычеркивают изменение, поскольку «клемированное» изменение оказывается равносильно чистому объяснению — его эффекты заранее зафиксированы в договоре.

Однако противопоставленная этой объясняющей модели «изменяющая» философия (или философия концепта) остается оборотной стороной этой же логики господства, поскольку стягиваемая на философском плане имманентности связка концептов оказывается не менее деспотичной по отношению к нефилософскому. Это в конечном счете и делает навязчивой ее политику, провоцируя «темную» реакцию. Вся разница между объяснением и изменением как двумя способами делания философии (или, вообще говоря, разница между не-деланием и деланием) заключается в том, что, в отличие от гастарбайтеров, занимающихся реновацией, гастарбайтеры, нанимающиеся для аутсорсинга концепту, служат осуществлению какого-то локального решения. В философии, занятой деланием, заправляют «решалы», но при этом нефилософское не лишается необходимости быть пропущенным через их поле зрения и получить философскую печать, то есть по большому счету заполнить таможенную декларацию у пограничников философского государства (и стать, к примеру, *геофилософией*).

Однако что можно противопоставить власти концепта? Как можно говорить о темной версии философской работы, а не только лишь о «темной» критике «светлого» способа философского производства? Как выбраться из этого «манифеста» светлой философии? Все указывает на то, что темное вязнет во власти концепта, весьма удачно укладываясь в его производственную модель: что может быть более креативным, чем появление у философии своеобразной альтернативы, ее «темного» или даже «ночного»

режима, подобно тому, который существует в современных операционных системах и приложениях?⁸

Подобная же патология характерна для упомянутого мною гиперверия. Достаточно очевидно, что гиперверие с зашитыми в него *CCRU* апокалиптическими циклами представляет из себя одну из моделей, посредством которой ниспровергается «радостная», «креативная» и «утверждающая» модель мысли. Тем не менее гиперверие — по-прежнему концепт, созданный по всем лекалам делезовского производства. *CCRU* — типичные делезианцы, озабоченные радикальной детерриторизацией философского письма, тотальной гибридизацией его с «периферийными культурными процессами» (кибернетика, оккультизм, литература и проч.)⁹. Все ренегатство *CCRU*, весь их антиакадемизм обеспечивается силами такого отношения философии и нефилософии, которое задает политика концепта.

Однако гиперверие, произведенное таким заводом по производству концептов, как *CCRU*, занимает интересное положение в концептуальном производственном цикле. То Внешнее, которое помечает гиперверие, отличается от делезианского «плана имманенции», поскольку представляет нечто не-имманентное и чужеродное мысли. По отношению к гиперверию мысль может стать лишь чем-то наподобие «приемника» или «сосуда», что подрывает креативную логику господства концепта. Однако это Внешнее не может быть схвачено гиперверием, которое тематизирует его лишь в качестве мифологических «Древних» (*the Old Ones*). Гиперверие — лишь концепт. Именно поэтому важна (и не случайная) связка с мемом. Ненароком отмечая ее, Карстенс задевает узел, который связывает философию, когда она создает концепт гиперверия, с нефилософским по ту сторону нелегального и легального. Это нефилософское находилось вне поля зрения философии и ее манифеста. *Оно не объясняло или изменяло ее, но, скорее, смещало.* Это постоянно ускользающая партизанская анонимность, вечно выписанная из реестра нефилософских языков и при этом никогда по-настоящему не исключенная. И именно эта анонимность, скрывающаяся за противопоставленным гиперверию мемом, является выпадающим «союзником» темной философии.

8. В конечном счете тот же Кальп в своем проекте руководствуется инструкцией к философской работе, один из основных пунктов которой — производство концепта в патологическом стремлении подарить Делёзу очередного (пусть и «темного») ребенка.

9. См.: *CCRU. Writings 1997–2003*. Falmouth: Urbanomic; Time Spiral Press, 2017; см. в особенности коммюнике, составленные в качестве самоописания *CCRU*.

Нефундаментальная мемология

Мем инфекционен. Мемы захватывают территории соцсетей, оккупируют хранилища изображений, колонизируют страницы, сознания, мозги. *Мем репликативен.* Мемы образуют мемологические колонии, мемологические расы, которые сплетаются в бунтующие разбойничьи клубки. *Мем обладает сверхскоростями.* Его работу невозможно удержать в своих промежутках, но она опознается только постфактум: если нечто существует и, соответственно, может быть схвачено, то оно уже является мемом¹⁰. При этом если все так или иначе было оккупировано мемом, все было им поражено и загрязнено, то почему не предположить, что *не-все* этого *всего* (то есть философия) уже давно им захвачено, хотя философия всегда стремилась произвести отгораживание, не допустить подобную возможность? Она пыталась совершить это в том числе в логике *философского паблика*. Ведь чтобы сделать из философии мем (и поставить подобную работу на конвейерное производство), необходимы границы, которые таким образом пере-утверждаются за счет этой потребности: философский паблик предполагает изначально философские содержания, которые ввиду их изначальной не-мемологичности можно запаковать в оболочку мема.

Чтобы воспринять мем всерьез, то есть расценить его не как маркетинговую уловку для привлечения новых нефилософских гастарбайтеров в философское государство, а как вполне отчетливую конспираторную анархистскую силу в философии, неумолимую и беспощадную, необходима некая *нефундаментальная мемология*, расценивающая мем в качестве своего рода *бытия для философского существа*. Выполняемое подобным образом *мемологическое различие* предполагает удержание внимания на взаимобращении между мемом как тем, что обеспечивает философии ее *сбывание* в качестве философии, и самой философией (Ф/М). Однако *нефундаментальность* мемологии состоит в том, что производимое различие не составляет некоей экономики мема: инфекционную мемологическую анонимность, заправляющую в философии, невозможно отличить от нее (через границу), но можно лишь процедурно *опознать с помощью политики различия*. Ее работа — черновая темная упаковка — находится вне различия или избытка, составляя своеобразный *темный, разрывающий всякую*

10. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Corpus, 2016. С. 110–115.

имманентность план философии. Осуществление фундаментальной мемологии, таким образом, — это не некая иммунная реакция, предполагающая приостановку вирулентного действия мема. Скорее, это попытка получить философский СПИД: только иммунодефицит (здесь даже — *иммемодефицит*) позволяет увидеть взаимодействие различных мемологических агентов за тем, что философия концепции рассматривает в качестве некой «истории философии», а философия концепта — в качестве так называемого *становления философии*.

Мемы сталкиваются между собой, осуществляют нашествия на производственные объединения друг друга, расселяются, образуют колонии и поселения. В таком случае различие между догматизмом господства и конспираторной анархии — это *различные мемы философии*. Философия не может совершить различие, удержать избыточность мема: скорее, она может лишь совершить *смещение от одного мема, фреймирующего философское производство, к другому мему*.

При этом нужно отметить, что на протяжении всей своей продолжительной драмы философия, не подозревающая о своей мемологичности, была захвачена *лишь одним мемом*. Философские проблематизации темного пытались подступиться к этому мему, но проваливались, оказываясь лишь его составными частями. Этот мем — мем *о темном и светлом*.

Балансирующий джедай

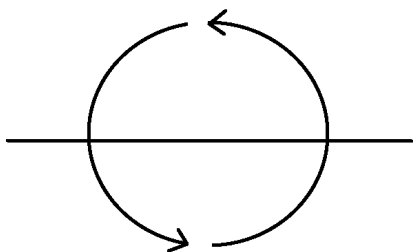
Как известно из последних частей «Звездных войн», фундаментальные отношения между джедаем и силой строятся на принципах единства и баланса. Люк Скайуокер говорит:

Сила — это не твои способности... дело не в умении поднимать камни. Это энергия всего сущего, напряжение, *баланс*. Это связывает вселенную *воедино*.

Джедай всегда находится в отношении баланса с Внешним, его суперспособности (телекинез, ловкость в обращении с лазерным оружием, излучение молний) выступают эффектом этой изначальной гармонизации.

Подобная джедайская схема отношения к Внешнему наиболее релевантна для трансцендентализма в его классическом кантовском наброске, в котором баланс (гармония) способностей — основная задача проекта «трех критик» — выступает всего лишь

Схема 1

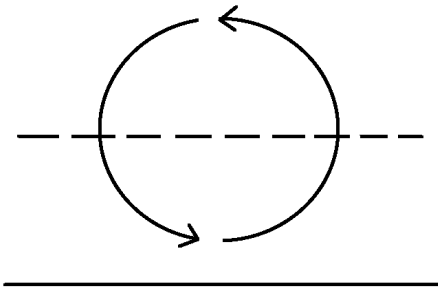

иной формой осуществления гармонии природы, в этом смысле иной формой того же самого: второй природой как единящим балансом философа и внешнего (схема 1)¹¹.

Однако эта схема остается образом философии для большинства проектов по детрансцендентализации, поскольку речь идет не просто о ставках, а о сложно деконструируемом режиме производства, который все эти проекты ненароком воспроизводят. Несмотря ни на что, философ остается джедаем. Эта глобальная неудача детрансцендентализации (как деджедаизации) наиболее точно тематизируется проектом *нефилософии*¹². Нефилософия остается самым скрупулезным описанием философского мема о джедае. Она определяет философское производство через модель Решения, основным ресурсом которого является *принцип достаточной философии*¹³. Достаточная философия — это невольная модель репрезентации философией самой себя. Согласно ей, философия всегда находится в сообщении и обращении с Реальным. При этом ее позиция всегда остается привилегированной — она *достаточна* для того, чтобы образовать в этих отношениях замкнутый круг. Кроме того, только обращаясь в этом круге, Реальное каким-то образом *реально*. Всякое изначальное

11. Делёз Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях // Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 166–168.
12. За более развернутой рецепцией данного проекта мы могли бы отослать, к примеру, к Рэю Брассье: *Brassier R. Alien Theory. The Decline of Materialism in the Name of Matter*. PhD thesis. Warwick University, 2001. См. также: *Idem. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. Ch. 6 и посвященный соответствующей теме номер журнала «Синий диван» (2013. № 18).
13. *Laruelle F. Philosophy and Non-Philosophy*. Minneapolis: Univocal, 2013. P. 11–21.

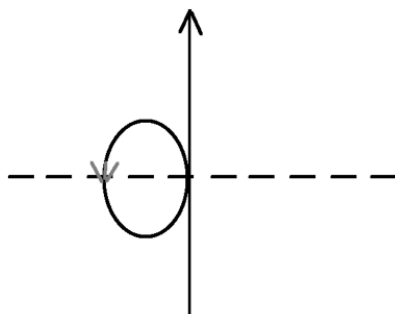

действие Реального на мысль будет опознано лишь ретроактивно, а значит — только *после* философского решения. Основная ставка нефилологии состоит в том, что эта круговая модель баланса является ограниченной, что сама философия представляет собой замкнутый и крайне ограниченный режим производства мысли¹⁴. Это не более чем *вещь*, помещенная в Реальное¹⁵, но не то, что на равных (и тем более асимметрично) может вступать с ним в обращение. В этом смысле схема баланса должна быть скорректирована (схема 2).

Отношения между философией и Реальным в таком случае отмечены парадоксальностью, связанной с их односторонним (унилатеральным) характером: Реальное действует на философию, которая выступает лишь побочным продуктом, *вещью*. При этом философия конструирует миф о балансе как той или иной независимости и верховенстве над Реальным — не важно, будет ли это гармония способностей, *Dasein* или же деконструкция¹⁶. Тем самым этот миф о балансе выступает продуктом действия Реального, но каким-то образом ему противоречит. Баланс мыслится внутри философии, не размыкает одностороннего действия Реального, а лишь странно его дуализирует¹⁷. Филосо-

14. Обвинение, само по себе не представляющее никакого интереса, однако оно затрагивает, как нам кажется, весьма занятный экономический момент, связанный с коллапсом мема о джедаях.
15. Brassier R. Nihil Unbound. P. 146.
16. *Idem*. Axiomatic Heresy. The Non-Philosophy of François Laruelle // Radical Philosophy. 2003. № 121. P. 27.
17. «„Единое само по себе“ никогда не могло быть абстрагировано от философии; вместо этого оно... унилатерализирует любой дуализм или событийную Диаду. Последняя означает возможность „говoreния“ о Едином и его „описания“, но Диада сама контингентна и всегда идет после Единого без возможности возвращения [ему]. Она никогда не перемешана с Единым в некой смеси, как предполагалось бы философским решением. Дуализм

фия — продолжение работы Реального, она не может изменить его направление, но может лишь создать в нем петлю — *дуализировать* унилатеральность. Мысль и есть сама эта петля, только и всего (схема 3)¹⁸.

Рефлексивное колесо

Более того, это унилатерально-дуальное функционирование философии имеет один весьма интересный эффект. Распад мемологической инфраструктуры философа-джедая, инициированный нефилософией, то есть расстройство баланса унилатеральной дуальности, размещение его на внутреннюю сторону петли радикально имманентного Реального, оборачивается симптоматичным движением самосохранения и самозакольцовывания. Философия закольцовывается вторично, образуя *петлю в петле*. Такой двойной ход петли, «фрактальная структура» решения, является наиболее эксплицитным свидетельством провала мема о джедаях как *догматической модели*. Поскольку именно здесь, во фрактальном ходе петли, обнаруживается подлинное движение замыкания философского производства.

В своей изначальной модели (см. схему 1) гармония философского производства отсылала к такому кругу, который кругом

вторичен точно так же, как и контингентен, и укоренен в Едином, которое направлено лишь к самому себе» (Ibid. P. 49).

18. «Ни одна философия не могла подвесить законность этого правила, которое является таким же „естественным“ для философа, как и гармония или тональность для классического музыканта... Это вопрос более глубокого разрушения непреодолимых уз взаимо(-)действия (*reciprocity*) между реальным и его репрезентацией, которые деконструкция продолжает неявно предполагать» (Laruelle F. Op. cit. P. 7–8).

в строгом смысле не был, поскольку необходимой территорией взаимо(-)действия мысли и того, что она мыслит, является само мыслимое, а именно Внешнее. Его действие всегда разрезает круг, делает его пористым. Тем не менее двойная петля, механизм которой пока что непрозрачен, демонстрирует, что философское решение чревато полным баррикадированием, то есть *радикальным самосохранением* через повторение того же самого.

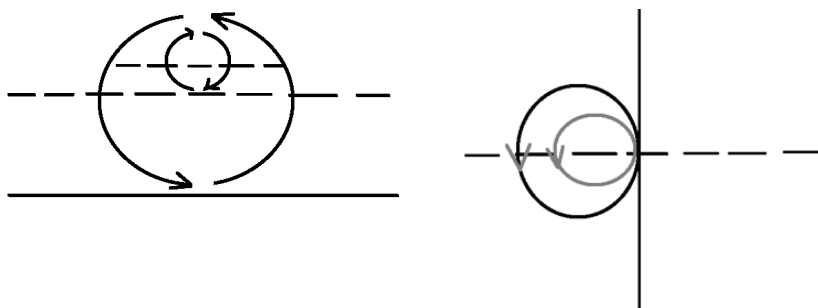
Необходимо разобрать способ, посредством которого организуется двойная петля. Если предположить, что философу будет сообщено, что его производство функционирует некоторым иным образом, нежели тот, каким он его себе представляет, а именно через отношения петли, а не через отношения баланса, то философ, вероятно, мог бы противопоставить этому аргументу ход, который можно сформулировать следующим образом¹⁹:

Хорошо, вы утверждаете, что то, *как* я мыслю, никогда не работает по принципу обратной связи, *взаимо(-)действия*, в любом из вариантов; более того, вы утверждаете, что обратная связь невозможна, потому что нет того обратного, которое могло бы произвести необходимый *feedback*, и что это обратное — всего лишь петля, складка на однонаправленном движении Реального; однако я могу заявить, что, если мы попытаемся встать на позицию *рефлексии* по отношению к производству высказывания, мы обнаружим незаконность подобных утверждений, поскольку я, как утверждающий это, никогда не могу предполагать одностороннюю связь Реального, производящего мое высказывание, потому что именно мое высказывание производит это выстраивание и это Реальное, производящее одностороннее отношение.

С точки зрения философа, незаконен сам факт производства подобных, предполагающих Внешнее утверждений. Однако, с точки зрения нефилософа, подобная аргументация является *двойным подтверждением провала*: производя мысль согласно схеме петли, философ пытается разрушить объективацию его производства в качестве такового посредством производства второй петли, то есть воспроизводства *того же самого*, объективированного нефилософией в качестве узлового момента философского производства, *жеста*. Парируя аргумент нефилософа, философ осуществляет это парирование за счет основного момента аргумента не-

19. В качестве образца подобной рефлексивной симптоматологии см.: Кузнецов В. Единство мира в постнеклассической перспективе. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018.

Схема 4

философа. То есть, проще говоря, противостоя нефилософу, он еще больше подтверждает его констатацию (схема 4).

Данное запетлевание философского производства может проходить дальше второго порядка, конструируя третий, четвертый и дальнейшие витки. Более того, это наращивание петель составляет основной момент философского производства, и именно этот момент показывает догматичность функционирования модели мема джедая. Эта модель имеет свое технологическое заземление в *рефлексии*, поскольку именно рефлексия была основным движущим элементом в критике, предназначавшейся нефилософу. Эта рефлексивная машина порядков рефлексии, все более и более реактивизирующая философское производство, в столкновении с нефилософом лишь заново производит себя, уже в качестве симптома. Таким образом, она — основной двигатель и одновременно предельное обобщение экономики джедая. Джедай рефлексирует, и именно рефлексия позволяет ему мыслить баланс, единство производства с Внешним; однако одновременно именно рефлексия заставляет мем о джедаях неизбежно коллапсировать.

Паразит

Серия романов «Дозоры» — это неприкрытая ирония над вселенной «Звездных войн». Раса (или вид) Иных в своей инаковости по отношению к людям определяется через взаимодействие с Силой. Иные точно так же, как и джедаи, расколоты на две противоборствующие стороны. Однако это противоборство, в отличие от эпического столкновения темных и светлых джедаев (или джедаев и ситхов), обнаруживает фундаментальную потребность в бюрократизации. Дневной и Ночной дозоры как организации темных и светлых Иных соответственно, созданные главным об-

разом для того, чтобы сохранять порядок и баланс в мире Иных, в сущности, не занимаются никаким противостоянием. Скорее, они странным образом пребывают в состоянии *скуки ничего-неделания*. Собственно, в дозорах невозможно никакое производство, в этом смысле — даже никакой сюжет. Любой сюжетный поворот, занимающий место главной темы в «Ночном дозоре», «Дневном дозоре» или «Сумеречном дозоре», — это не более чем корпоративные козни сотрудников одного Дозора по отношению к сотрудникам другого. Другими словами, это попытка некоторым образом *побороть скуку*, при этом не выходя из состояния бюрократической гарантии баланса. Ни тем ни другим не представляется выгодным собственно *нарушение* баланса, поскольку это не просто снимет скуку, но и заставит их *что-то делать*.

Эта бюрократизация, то есть низвержение или территориализация возвышенного джедайского конфликта между темной и светлой сторонами, представляет собой эффект *disenchantment*'а Силы: в отличие от джедаев, мыслящих свои отношения с ней в рамках модели единства, Иные *слишком* хорошо понимают единственно возможный способ построения подобных отношений. Это никоим образом не единение, не гармоническое включение себя наравне с другими источниками и потребителями силы, и в этом смысле не производство; скорее, это *паразитическое* извлечение силы из Внешнего, основными хот-спотами которого здесь выступают люди. *Различие* между темными и светлыми пролегает лишь в способе функционирования паразитизма, но не более того. И светлые, и темные являются в равной степени паразитами, только темные паразитируют на «негативных» эмоциях человечества, а светлые — на «положительных»: счастье, радости и т. п. Необходимость заключения договора проистекает из экономической необходимости: если паразитизм Темных работает в модусе батаевской разнуданной траты, то есть поглощение негативных эмоций усугубляет негативное, приводит к его безудержной экстенсификации (что должно обернуться катастрофической аннигиляцией), то светлые призваны к заключению договора банальным парадоксом классической экономики дефицита, связанной с неограниченными потребностями Иных в условиях ограниченных ресурсов положительных эмоций людей. Договор — это попытка урегулировать потребление ресурсов за счет *взаимного сдерживания аннигиляции и дефицита*.

Мем дозоров в своей паразитической экспликации расколдовывает схему унилатеральной дуальности и двойной петли рефлексии, вскрывая экономический момент ее работы — паразитические отношения с Реальным, в которых петля как *петля фи-*

лософии, пере-производящей Реальное в качестве своего продукта (мысли), целиком и полностью осуществлена исходя из логики самого же Реального. Вернее даже, та модель, которая предполагалась моделью джедаев, в оптике «Дозоров» является специфическим способом дать себя ему поглотить, поскольку производство, на которое рассчитывала философия в такой модели, — всего лишь капитуляция перед односторонним паразитизмом Реального²⁰. Однако если производство мысли невозможно, если оно — всего лишь фантазм²¹ философии, обретаемый взамен полного поглощения, то каким образом, удерживая это расколдовывание, заземляющее философию, то есть *вступая в альянс с мемом «Дозоров»*, сместиться от светлого к темному?

Слоеный сумрак

Сумрак — вероятно, одна из наиболее загадочных и наиболее узловых фигур в онтологии «Дозоров». С одной стороны, это территория Иных, та среда, в которой они могут обитать, будучи вычеркнутыми из человеческого мира. Это вычеркивание по типу *призрака*, поскольку пребывание в сумраке равносильно существованию в качестве присутствующего отсутствия в мире людей:

... [пребывая в сумраке], не становишься невидимым, иначе бы на тебя поминутно налетали. Просто сквозь тебя смотрят и не замечают тебя²².

Однако вместе с тем сумрак — это способ измерения силы Иных, поскольку его структура *слоиста*. Каждое дальнейшее погружение на новый слой сумрака требует все больших затрат силы, и если большей части Иных доступен второй слой, то третий и четвертый слои открыты только высшим Иным — магам первой категории и выше. Почему передвижение в сумраке оказывается проблематичным, можно объяснить, исходя из выписанной нами модели одностороннего паразитизма: переход на каждый новый слой означает сопротивление паразитическому отношению с внешним,

20. «...обмен в этом случае нельзя охарактеризовать ни как принципиальный, ни как исходный, ни как фундаментальный... отношение необратимо... Я называю паразитической эту полупроводимость, этот заслон, эту стрелку, это необратимое отношение» (Серр М. Паразит // Носорог. Осень-зима 2016/2017. № 5. С. 181.).

21. «Любой, кто хочет сесть на плечи другого, не желает, чтобы тот хорошо видел» (Там же. С. 209).

22. Лукьяненко С. Ночной дозор. М.: АСТ, 2014. С. 36.

все более интенсивную попытку *паразитировать в ответ, раскручивать петлю*. Это раскручивание сопровождается колоссальными затратами, то есть интенсифицирует паразитизм Реального в качестве *рефлекса* на сопротивление рефлексии (в этом смысле рефлексия всегда представляла из себя, скорее, само-разделение для внешнего, сугубо гастрономическую процедуру, делающую философию удобоваримой).

Стоит обратить внимание на механику этого раскручивания. Механика вхождения в сумрак и погружения в его слои — это механика *субтракции*:

Мир вздохнул, расступаясь. Будто ударили по мне со спины аэродромные прожекторы, высекая длинную тонкую тень. Тень клубилась и обретала объем, тень тянула в себя — в пространство, где вообще нет теней. Тень отрывалась от грязного асфальта, вставала, пружинила... Краски мира стали тусклее, а машины на проспекте будто замедлились, завязли²³.

Дальнейшее движение в слоях сумрака производит прогрессию работы вычитания:

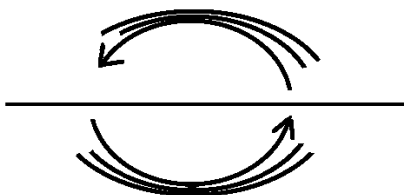
Холод. Клубящийся туман, вернее, не туман, облака. Несущиеся над землей влажные, тяжелые облака... мир утратил последнее подобие человеческого... Время замедлило бег... Высоко в небе, мутными пятнами пробивая облачную завесу, светили три луны — белая, желтая и кроваво-алая²⁴.

Подобного рода *ungrounding* сумрака осуществляет вычитание человеческих сооружений, слой за слоем, сначала убирая людей и транспорт, затем здания и т. д. Одновременно он увеличивает масштабы ответного паразитизма — Иных пожирает потусторонний мох, да и сам Сумрак все интенсивнее высасывает их них соки. Это движение по вычитанию наращенных/наращиваемых порядков демонстрирует, каким образом может быть произведено смещение относительно догматической модели порядков рефлексии: геофилософское перемещение между слоями, *субфлексивная* декомпозиция рефлексивных слоев, заземление (в том числе означающее *приземление*) наращенного и замкнутого замкнутого (схема 5).

Субфлексия раскручивает петли рефлексии, определяя производство философской мысли через смещение в ее раскручивающихся витках. Подобное заземление (за счет погружения на более

23. Там же. С. 18.

24. Там же. С. 227.

нижние слои), передвижение между слоями, требующее не автоматического воспроизводства жеста (что является свойством рефлексии как технологии), но постоянного роста его интенсивности, мутации, необходимой для каждого следующего перехода, есть то, что характеризует смещение к темному как возможность удержания философской ситуации. Смещение к темному заключается прежде всего в смещении паразитических отношений, переключении паразитизма Реального на паразитизм философии, сопротивляющейся в таком переключении удобоварению самой себя. В этом смысле субфлексия есть нечто вроде претензии *встать поперек горла*, организовать возвратное логике проглатывания движение. Это и есть в таком случае мемологическая игра, в которую философия, дабы удержаться в качестве философии, должна себя вовлечь.

Библиография

- Булл М. Анти-Ницше. М.: Дело, 2016.
- Делёз Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях // Он же. Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001.
- Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009.
- Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Согрус, 2016.
- Кузнецов В. Единство мира в постнеклассической перспективе. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018.
- Лукьяненко С. Ночной дозор. М.: АСТ, 2014.
- Серр М. Паразит // Носорог. Осень-зима 2016/2017. № 5.
- Brassier R. Alien Theory. The Decline of Materialism in the Name of Matter. PhD thesis. Warwick University, 2001.
- Brassier R. Axiomatic Heresy. The Non-Philosophy of François Laruelle // Radical Philosophy. 2003. № 121. P. 24–35.
- Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- CCRU. Writings 1997–2003. Falmouth: Urbanomic; Time Spiral Press, 2017.
- Culp A. Dark Deleuze. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016.
- Laruelle F. Philosophy and Non-Philosophy. Minneapolis: Univocal, 2013.
- Noys B. The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.

PARASITIC JEDI

NIKITA SAZONOV. Research curator, darkcryptasite@gmail.com.
Posthuman Studies Lab, 119 Mira Ave., Bldg 246, 129223 Moscow, Russia.

Keywords: hyperstition; concept; meme; economy of power; balance; parasite; philosophical politics.

The article clarifies the status of philosophy's "dark turn." The dark is positioned as a kind of principle of what is "non-" — as non-environmental (Timothy Morton), non-joyous (Andrew Culp), non-affirmative (Benjamin Noys) etc. — and is deprived of a dark model for its own production and regarded as a "distortion" of existing types of philosophical endeavor such as the production of concepts (Gilles Deleuze). The article develops a dark method for production of philosophy by focusing on techniques that permit switching between the light and the dark rather than invoking the conflict between them. Philosophy's crossing over to the dark side indicates an economy of the meme incorporated into it, which leads to a reiteration in philosophy of the theme of confrontation between the dark and light sides. To deal with this, philosophy must attend to the meme itself and make a choice not between the light and dark side, but between various memes about the dark and the light.

Diverse memes dedicated to the confrontation between the dark and the light refer to distinct ways of arranging the two sides. The demarcation is based on different attitudes toward thought and the external. The author argues that the main memological tension in philosophy is centered on a "Jedi" version of the confrontation, on the one hand, and a reflexive model of thought derived from it, on the other. The reflexive model is grounded in a harmonious (transcendental) relationship between Jedi and the Force that exists in the Star Wars universe. The author presents the possibility that the Jedi version of light may be superseded by a dark model for the meme about the two sides which makes reference to the "Night Watch" and "Day Watch" books and movies franchise, as well as to parasitic, more sub-reflexive than non-reflexive relations with the Twilight.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-265-280

References

- Brassier R. *Alien Theory. The Decline of Materialism in the Name of Matter*. PhD thesis, Warwick University, 2001.
- Brassier R. Axiomatic Heresy. The Non-Philosophy of François Laruelle. *Radical Philosophy*, 2003, no. 121, pp. 24–35.
- Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007.
- Bull M. *Anti-Nitsshe* [Anti-Nietzsche], Moscow, Delo, 2016.
- CCRU. *Writings 1997–2003*, Falmouth, Urbanomic, Time Spiral Press, 2017.
- Culp A. *Dark Deleuze*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 2016.
- Dawkins R. *Egoistichnyi gen* [The Selfish Gene], Moscow, Corpus, 2016.
- Deleuze G. Kriticheskaia filosofii Kanta: uchenie o sposobnostiakh [La philosophie critique de Kant: doctrine des facultés]. *Empirizm i sub"ektivnost'. Kriticheskaia filosofii Kanta. Bergsonizm. Spinoza* [Empirisme et subjectivité. La philosophie critique de Kant. Le Bergsonisme. Spinoza], Moscow, PER SE, 2001.
- Deleuze G. *Logika smysla* [Logique du sens], Moscow, Akademicheskii proekt, 2011.

- Deleuze G., Guattari F. *Chto takoe filosofii?* [Qu'est-ce que la philosophie?], Moscow, Akademicheskii proekt, 2009.
- Kuznetsov V. *Edinstvo mira v postneklassicheskoi perspektive* [The Unity of the World from a Post-Non-Classical Perspective], Moscow, Institut obshchegumani-tarnykh issledovaniy, 2018.
- Laruelle F. *Philosophy and Non-Philosophy*, Minneapolis, Univocal, 2013.
- Lukyanenko S. *Nochnoi dozor* [The Night Watch], Moscow, AST, 2014.
- Noys B. *The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2010.
- Serres M. Parazit [Le parasite]. *Nosorog* [Rhinoceros], fall-winter 2016/2017, no. 5.